

СТАРИК

Он не помнит, что было вчера.
Ясно помнит, что было когда-то.
Коротая свои вечера,
Он уходит, уходит куда-то.

Через чащу событий и лет,
Расставаний, свиданий мороку,
Через тысячи жизненных мет
И замет – он уходит к истоку.

В глубину, в изначальную рань.
Где мешается крик с немотою.
К самым дальним пределам – на грань,
Где соседствует свет с темнотою.

Там кристальные светят ключи.
Так заманчиво пенье их льётся.
Ты над ухом его не кричи.
Он ушёл. Он уже не вернётся.
1967

* * *

– А есть ли где на свете белом –
Не уклоняйся, дай ответ –
Душа, какой бы ты всецело

Доверился?
– Пожалуй... нет!

Сказал – и сладко опахнуло
Высокомерною тоской.
И в сердце холодом дохнуло.
Как будто предал род людской.
1978

* * *

– Кто как поэт бесценен,
Скажи-ка мне, сосед.
– Когда-то был. Есенин.
Теперь поэтов нет.

Иду в глубины лет.
В эпоху схватки классов.
– Тут кто у вас поэт?
– Да был поэт Некрасов.
Теперь поэтов нет.

И глубже в глуби лет –
В поля, дворцы, избушки.
– Тут кто у вас поэт?
– Да был когда-то. Пушкин.
Теперь поэтов нет.

*И глубже в глуби лет.
– Тут кто бессмертно славен?
Тут кто у вас поэт?
– Когда-то был. Державин.
Теперь поэтов нет!*

*Немало удивлён,
Иду я в глубь времён.
– Тут кто поэт, ребята?
Тут есть поэт, ребята?
– Да был. Гомер. Когда-то.
Да был ли,
Был ли
Он?
1987*

* * *

*Мы пили с ним у автомата.
И он пошёл. И я пошёл.
Свернули в зал кинотеатра.
И он – в Большой. И я – в Большой.*

*В фойе слонялись до сеанса.
И он зевал. И я зевал.
Потом над Чарли он смеялся.
И я, конечно, не зевал.*

*Сеанс окончился – на воздух
Мы поспешили поскорей.
Он ждал трамвай, смотрел на звёзды.
И я на звёзды посмотрел.*

*А утром, встретившись со мною,
Стихи он новые читал.
Вчера написанные. Ночью.
А я стихов не написал.*

*Да как же так? Мы были вместе!
Проспектом шли. Входили в зал.
Я был на том же самом месте.
А вот стихов не написал.*

*Когда он пил у автомата,
То, значит, он не только пил.
Когда входил он в зал театра,
То он не только в зал входил.*

*Когда с задумчивостью кроткой
Вздыхал он ввысь лицо своё,
То видел высь и нечто кроме.
А я не видел. Вот и всё.
1962*

* * *

*Сидел мужик в столовой
И вёл с соседом спор –
Какой-то бестолковый,
Нетрезвый разговор.*

*Клиенты возмущались:
– Послушай ты, мужик!
Здесь женщины и дети.
Попридержи язык.*

*А тот не унимался –
С соседом говорил.
Сосед не соглашался –
Соседа матом крыл.*

*Достукался, конечно.
Дружинники пришли.
За локти подхватили,
Куда-то увели.*

*На столик посмотрел я –
На столике в тиши
Стояли присмирело
Нетронутые щи.*

*Лежала рядом ложка.
И хлеба два куска.
И как-то жалко стало
Нахала мужика.
1968*

В САМОЛЁТЕ

*И здесь какой-то тоже есть уют.
Беседуют и спят, едят и пьют.
Тут зыбко всё, непрочно и нестойко.
И ненадежно всё. Но не настолько...*

*Тут всё дороже на пятак.
Чуть-чуть труднее длится в небе шаг.
Минута длится в небе чуть подольше.
Поташнивает в небе чуть побольше.
Внизу поташнивает, но не так.
1970*

* * *

*Как совершенна простота.
Замысловато-прихотлива.
И в то же время так проста.
Обыкновенней примитива.*

Изысканность, и примитив,
И ординарнейшая серость.
Им всем, уловку применив,
Прослыть простыми бы хотелось.

И так легко по простоте
Душевной – ошибиться взглядом.
Всё, что враждебно простоте,
Как раз и ходит с нею рядом!
1964

* * *

Упало дерево в траву.
Я подошёл к его вершине.
Устало приподняв главу,
Оно ещё витало в сини.

Листва ещё не пала ниц,
А всё ещё была в паренье.
Несмятая – как оперенье
У только что убитых птиц.

Она ещё свежо дышала.
Жила. Высокая душа
У самых ног моих лежала,
Доступностью своей страша.
1968

* * *

В этой радости мне отказали.
Но к печали не клонит отказ.
Ну и что. Мне уже обещали
Ту, что радостней в тысячу раз.

Всё длинней, всё изученней будни.
И сквозь будни, где всё прочтено,
Всё настойчивей, всё неотступней
Голос: «Больше не дам ничего».

Ну и пусть! К благодарной, горячей
Я уже прикоснулся руке,
Я уже побезмолвствовал в чаще,
Я уже искупался в реке!
1968

* * *

Размытый, дымный мох древесный.
Беззвучных мошек толкотня.
...Безмолвно-чуткий мир разверстый
Глядит, приблизившись, в меня.

Сгорающий от нетерпенья,
Он напряжённо ждёт в ответ

Восторженного подтверждения,
Чем жив свои миллиарды лет.

Глядит в меня темно, сурово.
Как будто весь без моего
Никем не слышимого слова
Бессмыслен вечный путь его.
1975

* * *

Я глубже в дебри заглянул.
Вошёл во мрак холодный, строгий.
И седоватый волк свернул,
Потупив голову, с дороги.

И хмуро-замкнутый медведь,
Таясь и шею пригибая,
Пошёл валежником хрустеть,
Всё дальше в чащу отступая.

И даже хитрая змея,
Горда, грозна, самолюбива,
Как леденистая струя,
С тропы скользнула торопливо.

И вмиг осёкся ветви взмах.
И напряжённый шаг споткнулся.
И всё объял животный страх!
И – сердца моего коснулся!
1976

* * *

В который раз передо мной
Ты, степь, встаёшь загадкой,
Глухой, щемящей пустотой,
Молчащей ширью гладкой.

Ты так ровна, что дым паров,
Черты, витки, узоры
Вдали встающих облаков
Готов принять за горы.

Ты так тиха, что в сне листа,
В траве, к земле прибитой,
Я слышу резкий свист кнута,
Я слышу звон копыта.

Ты так безвыходно нема,
Что в ледяном молчанье
Гроза мне слышится сама!
Само громов дыханье!
1973